

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

«ЕСТЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ» КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА*

Часть I

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье представлена гипотеза о растущем влиянии системы третичного образования на стабильность политического режима в ряде современных стран. Для раскрытия механизма этого влияния автором предложено понятие «естественный уровень образования», отражающее оптимальный с точки зрения избегания социальных потрясений баланс отношений между рынком труда и системой образования. Автор полагает, что стабилизирующая функция системы третичного образования обусловлена ее ролью специфического регулятора рынка труда и способностью включать в себя миллионы молодых мужчин, предоставляя им занятие на длительный срок. Под воздействием политики государства эта стабилизирующая функция может быть гипертрофирована и даже достигать экстремума — т.е. становиться контрпродуктивной. Статья имеет междисциплинарный характер, находясь на стыке политологии и экономики. Автор использует ряд методологических положений теории человеческого капитала и вводит понятия «образовательная пирамида», «образовательные пузыри», «образовательные ножницы» и др.

Ключевые слова: политическая стабильность, третичное образование, политический режим, протестные движения.

Проблематика образования занимает важное место как в современной политологии, так и экономической науке, идет ли речь о широком спектре теорий человеческого капитала, экономического развития, политической социализации или об исследовании системы образования как социально-экономического института. Действительно, воздействие сферы образования на общество и экономику в наше время трудно переоценить. В современной России, когда на высших уровнях руководства страны манифестируется необходимость инновационного раз-

* Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. Министерства образования РФ (Проект «Политическая стабильность РФ: методика и концепция анализа, прогнозирования и моделирования»).

вития, роль системы образования, как ключевого фактора этого развития, выходит на передний план.

В данной статье мы хотели бы обратить внимание на многомерный характер влияния системы образования на политические и экономические процессы. Некоторые из эффектов этого влияния могут быть замаскированы и подчиняться своей, далеко не очевидной логике.

Гипотеза, рассматриваемая в статье, заключается в следующем: в современном мире система образования, оказывающая значительное воздействие на уровень занятости, является одним из ключевых факторов обеспечения политической стабильности/дестабилизации. Эта роль образования так велика преимущественно из-за его экономической функции специфического регулятора рынка труда.

Вне всякого сомнения, сфера образования выполняет широкий спектр функций в обществе, но в настоящей статье нас интересует вопрос: посредством каких экономических механизмов она может оказывать как положительное, так и негативное влияние на уровень политической стабильности. Следует сразу оговориться, что речь идет именно о секторе третичного образования, т.е. о высшем, а также средне-специальном (профессиональном) образовании (1). В настоящее время хорошо заметна тенденция к постепенной замене средне-специального образования высшим, поэтому основное внимание в статье уделено высшему образованию.

Указанная функция образования возникла относительно недавно, хронологически почти параллельно становлению современной системы образования, и в ряде стран она может быть гипертрофирована, о чем отчасти свидетельствует опыт богатого на революции начала XXI в. Действительно, в некоторых странах система образования в определенные исторические периоды может становиться как краеугольным камнем стабильности политического режима, так и одним из важных катализаторов социальных и политических потрясений.

Данная проблематика требует повышенного исследовательского внимания, поскольку современная Россия являет собой уникальный пример конфигурации занятости и уровня образования, позволяющий сделать вывод об исключительной роли и эффективности системы образования в поддержании политической стабильности в стране.

Инвестиции в сферу третичного образования могут иметь очень большой мультипликативный эффект, обеспечивая не только подготовку нужных специалистов, экономической рост, занятость и модернизацию, но и серьезные политические последствия и «побочные эффекты». В то же время ошибочно автоматически отождествлять инвестиции в сферу образования с инвестициями в воспроизводство и развитие человеческого капитала. Как будет показано в дальнейшем, эти инвестиции не всегда могут быть направлены на развитие, и их количественный рост может демонстрировать отсутствие корреляции с уровнем человеческого капитала. На наш взгляд, в некоторых случаях, в том числе и в современной России, рост инвестиций в образование, продиктованный потребностями сохранения политической стабильности, может вести и к формированию т.н. «отрицательного человеческого капитала».

Чтобы проиллюстрировать и объяснить функциональную взаимосвязь между уровнями:

- 1) государственных инвестиций в сферу образования,
- 2) развития человеческого капитала,
- 3) экономического роста и развития,
- 4) циклической безработицы и
- 5) политической стабильности,

мы предлагаем использовать понятие «естественный уровень образования», смысл которого будет раскрыт ниже. На наш взгляд, предложенное понятие является достаточно универсальным, адекватно интерпретирующим процессы, происходящие во многих странах. В то же время основное внимание (в том числе и вследствие ограниченного формата статьи) уделено анализу данного феномена в современной России.

Такая постановка проблемы возможна на основе четырех распространенных и практически самоочевидных положений, подтвержденных эмпирическими данными:

— высокий уровень безработицы в обществе может оказывать влияние на политическую стабильность;

— в современном мире, и это показывают многочисленные революции начала XXI в., наиболее социально взрывоопасной группой населения является молодежь (2), в первую очередь молодые мужчины от 16 до 30 лет (3), не обремененные семьями;

— люди с высоким уровнем образования склонны к тому, чтобы иметь большие запросы, более высокий уровень гражданской активности, легче понимать политические «месседжи» и активнее пользоваться информационными технологиями. Они критичнее воспринимают диктатуру, клептократию, олигархию и иные разновидности авторитаризма. Иными словами, уровень их политической культуры и участия выше среднего;

— и, наконец, современное молодое поколение является самым образованным в мировой истории, а уровень безработицы среди молодежи выше, чем среди любой другой возрастной страты.

Следует отметить, что политическая стабильность в данной статье понимается в первую очередь как стабильность политического режима. Согласно Д. Кауфману, уровень стабильности определяется «вероятностью того, что правительство, находящееся у власти, может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными и/или насильственными мерами, включая терроризм» [17].

Угрозы политической стабильности могут быть связаны как со слабостью самого режима, с конфликтом внутри правящей элиты, так и с уровнем протестных настроений в обществе, иначе говоря, возможна дестабилизация как «сверху», так и «снизу». В настоящей статье речь идет об угрозах политической дестабилизации «снизу». Кроме того, по временному критерию следует разделять кратко-, средне- и долгосрочную стабильность. Наша гипотеза заключается в том, что в определенных условиях политический режим для сохранения стабильности в кратко- и среднесрочной перспективе может сознательно осуществлять политику, прямо

или косвенно направленную на подрыв оснований стабильности в долгосрочной перспективе, не решая, а перенося насущные проблемы на неопределенный срок. Этот эффект похож на рефинансирование в экономике.

В то же время политическая стабильность является не только политологической, но и экономической категорией в силу своего непосредственного влияния на экономический рост. Большинство современных моделей экономического роста учитывают уровень политической стабильности в качестве одной из ключевых переменных, влияющих на развитие экономики [16. Р. 265—286]. Отсутствие стабильности влияет на объем инвестиций, институциональную базу экономики («правила игры»), уровни инфляции и процентной ставки и пр.

В представленной статье мы хотели отметить, что риск экономических издержек, связанных с политической дестабилизацией, в том числе прямые экономические потери, следует обязательно учитывать при анализе рентабельности и возможных последствий социальных и экономических инициатив правительства. В некоторых случаях они могут быть очень велики, достигая критических значений. К сожалению, эти издержки часто игнорируются при принятии управленческих решений.

Представленная в статье гипотеза, несмотря на свой достаточно универсальный характер, имеет границы применимости и, на наш взгляд, является актуальной в первую очередь для современных стран со средним или высоким уровнем развития образовательной системы, свободным рынком труда и определенной степенью интеграции в мировые экономические и миграционные процессы — т.е. для стран, составляющих явное большинство в современном мире.

Структуру статьи составляют три раздела: в первом содержится краткое описание феномена, обозначаемого предлагаемым понятием «естественный уровень образования», второй раздел посвящен теоретическому осмыслению исследуемого феномена, третий раздел, размещенный во второй части статьи, включает в себя практическую часть — сравнительное исследование на примере ряда конкретных кейсов.

I. «Естественный уровень образования»: описание феномена

Термин «естественный уровень образования» мы используем, проводя параллели с экономическим понятием «естественный уровень безработицы». Сущность этого эффекта обусловлена существенно возросшими в XX в. регулятивной и стабилизационной функциями системы третичного образования. Как справедливо отмечает Г. Дерлугьян [6. С. 8], после 1945 г. образование стало формой снятия социального напряжения и давления на рынок труда.

В условиях экономического спада, а также демографического скачка именно система образования может помочь «разгрузить» потенциально опасные для стабильности политического режима группы населения, не имеющие возможности найти свое место на рынке труда, предоставив им занятие в течение определенного времени и возможность обучения новым специальностям, переподготовки или повышения квалификации. Тем самым системой образования выполняются

как важная экономическая (подготовка востребованных специалистов), так и политико-социальная функции. Ведь увеличение массы неустроенной и незанятой молодежи может повлечь за собой целый спектр дестабилизирующих последствий: рост преступности, распространение фундаменталистских и экстремистских настроений, не говоря уже о масштабных уличных протестах.

Роль системы образования как стабилизирующего института тем более возрастает во времена серьезных политических и социальных трансформаций. Как правило, в этот период, назовем его «повышательной волной», происходит расширение доступа к образованию, растет число учащихся и учебных заведений, увеличивается и значение образовательной системы как работодателя. Растущая массовизация нередко приводит к снижению качества образовательных услуг. На качество образования, а соответственно и на шансы будущих работников на рынке труда, может отрицательно влиять и государственная политика, направленная на экономию и оптимизацию (4).

Оптимальной является ситуация, когда параллельно увеличению числа учащихся наблюдается устойчивый экономический рост, в этом случае система образования «выигрывает время», позволяя растущей и развивающейся экономике создавать новые рабочие места и предпринимательские возможности для новых временных когорт населения, а подавляющее большинство выпускников могут найти адекватную работу и реализовать полученные компетенции.

Однако часто ситуация развивается отнюдь не в соответствии с оптимистичным сценарием. Если в дальнейшем темпы экономического роста или его качественные характеристики оказываются в значительной степени неконгруэнтными количеству выпускников и качеству образовательных услуг, мы можем наблюдать обратный эффект «понижательной волны». В периоды кризисов и стагнации рынок труда, и особенно образованных специалистов, оказывается перегрет. Ограниченность социальных лифтов, высокий уровень безработицы, снижение заработной платы, зыбкость видимых перспектив озлобляют и радикализируют трудоспособное население.

Ситуация приобретает дополнительную остроту, так как эти люди обладают достаточным уровнем образования, чтобы иметь относительно высокие (точнее сказать, не критически низкие) социально-материальные запросы и интеллектуальную способность воспринимать политические идеологии и другие «месседжи». Речь идет скорее не о перепроизводстве «шумпетеровских» «интеллектуалов» [15. С. 201—214], хотя они тоже могут оказывать влияние на политическую стабильность, а о массовой безработице, затрагивающей представителей широкого спектра специальностей.

Больше всего от этих процессов страдает молодежь — в крупных городах происходит набор критической массы образованных, но неустроенных в жизни молодых людей, которые могут трансформироваться в главную угрозу политическому режиму. Ситуацию, близкую к описанной, можно было наблюдать, например, во время революционных событий 2011 г. в Тунисе.

Таким образом, стабилизационные возможности системы образования имеют темпоральный эффект, они позволяют «выиграть время». В том случае, если струк-

турные экономические и социальные проблемы не решаются в течение длительного срока, рост образовательного уровня населения приводит к негативным для сохранения стабильности политического режима (особенно авторитарного) процессам: эффекту «завышенных ожиданий», распространению информационных технологий и гражданской активности.

Если же власти осознают проблему и начинают «решать» ее посредством реформ и массовых сокращений в образовательной сфере, это дополнительно обостряет сложившуюся ситуацию. Оппозиционные движения вполне могут придать конкретное политическое направление недовольству молодежи и интеллигенции.

Как показывает опыт, политическая энергия недовольных масс молодых людей может быть достаточно велика и неуправляема. Но если в демократических странах она ведет к акциям протеста (включая и погромы) и электоральной поддержке оппозиции (наличие которой само по себе снижает напряжение), то в странах с авторитарными политическими режимами возможны гораздо более масштабные политические волнения — вплоть до революций и свержения власти.

Ключевой тезис настоящей статьи: в мире XXI в. одна из основных угроз стабильности политических режимов (особенно авторитарных и особенно в развивающихся странах) исходит от подготовки заведомо «избыточного» количества образованных молодых людей. Важным индикатором стабильности представляется рост безработицы именно в этой группе населения.

Таким образом, «естественный уровень образования» можно определить как напрямую влияющий на уровень политической стабильности, оптимальный баланс между качеством и объемом образовательных услуг, доступностью образования с одной стороны и уровнем экономического развития общества и динамикой экономического роста — с другой. Этот баланс соблюдается, когда объем выпуска системы образования примерно соответствует потребностям экономики с учетом перспектив роста и практически недостижим в условиях затянувшегося экономического спада, а также структурной деградации, упрощения экономики (например, при деиндустриализации). Несправедливая, сильно поляризованная социальная структура также затрудняет его достижение. Наконец, высокий уровень демографического давления и миграции тоже усложняет оптимизацию этого процесса.

В современном мире система образования является одной из ведущих подсистем общества. Политические потрясения и революции начала XXI в. демонстрируют растущее участие в них образованных слоев населения, что во многом объясняет их относительно бескровный характер. На эту тенденцию обратили внимание эксперты ООН: во «Всемирном докладе по проблемам молодежи» справедливо отмечается, что нынешнее поколение молодежи — самое образованное в истории человечества, однако уровень безработицы среди молодых увеличился до «беспрецедентно высокого уровня» и продолжает расти, а 45% молодежи в мире живут на два доллара в день (См.: [11]).

Резюмируя сказанное, хотелось бы подчеркнуть опасность разбалансировки отношений между рынком труда (и в целом экономикой) и системой образования (см. рис. 1).

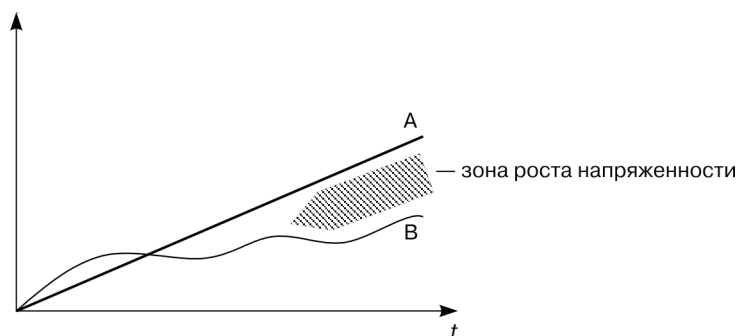


Рис. 1. Примерный эффект растущего отклонения от «естественного уровня образования»
Рост напряженности в стране обусловлен расширяющейся разницей между А — количеством выпускников (предложение специалистов), В — квалифицированными рабочими местами, предлагаемыми экономикой с учетом экономических колебаний (спрос)

Любые заметные экономические колебания создают естественную разбалансировку, но не очень значительную и поддающуюся коррекции. С нашей точки зрения, такая разбалансировка, даже очень масштабная, может сознательно осуществляться правящим режимом (хотя осознанность такой политики не следует переоценивать) за счет переподготовки большого количества специалистов, значительно превышающего текущие/прогнозируемые потребности экономики. Такое искусственное разведение спроса и предложения на рынке труда может являться и следствием неумеренной жадности учебных заведений, и социокультурных факторов, но в то же время подобная ситуация, как правило, так или иначе обусловлена государственной политикой. Нельзя списать эту разбалансировку на жадность и неэффективность системы образования, которая является институтом, реагирующим на более масштабные процессы, происходящие в политической и экономической сферах.

Здесь хотелось бы отметить важный момент: стремительное, опережающее экономические возможности развитие системы образования может осуществляться и по идеологическим причинам. Несмотря на имеющуюся в этом логику и возможное благородство целей, последствия такой политики для проводящей ее элиты могут быть различны. Возможны также и ситуации, когда, подобно Временному правительству в России, которому нечего было предложить населению, кроме гражданских прав, политическому режиму в определенный момент может оказаться просто нечего предложить молодежи, кроме образования.

II. Экономическая модель естественного уровня образования: попытка формализации

Как уже отмечалось, естественный уровень образования тесно связан с естественным уровнем безработицы и оказывает влияние на политическую стабильность, в первую очередь за счет этой связи. Данный феномен актуализируется в том случае, если безработица отклоняется от своего естественного уровня, т.е. речь идет о т.н. *циклической* безработице, или «безработице ожидания».

Как известно, циклическая безработица вызывается спадами производства и представляет собой разницу между уровнем безработицы в текущий момент экономического цикла и естественным уровнем безработицы.

Фрикционная безработица (связанная с поиском работы новыми специалистами, только пришедшими на рынок труда) также может расти и затягиваться, постепенно превращаясь в циклическую. Таким образом, в определенных сложных экономических условиях фрикционная безработица может становиться дополнительным фактором социально-политического напряжения и нестабильности.

На примере современной России мы полагаем, что система третичного образования, затраты на которое составляют, по нашим подсчетам, не более 2% ВВП, играет огромную роль не только в развитии и экономике страны, но и подспудно влияет на уровень политической стабильности. Таким образом, для правящего режима инвестиции в сферу образования должны быть чрезвычайно выгодны и эффективны.

Косвенным доказательством той роли, которую играет эта сфера в обеспечении стабильности в стране, особенно «сдерживании» части молодежи от противоправных или политических действий, являются, например, «антикризисные» инициативы 2009 г. руководства РФ и Украины по фиксации платы за обучение в вузах.

В то же время, согласно различным исследованиям, не менее 1/3 выпускников высших учебных заведений в нашей стране работают не по специальности. По подсчетам специалистов, к потерям государства из-за дисбаланса между профессиональной подготовкой и трудоустройством выпускников ВУЗов стоит отнести до 1/3 расходов бюджета на высшее образование. В глаза бросается тот факт, что такое несоответствие работы полученному образованию наиболее характерно для молодежи.

Однако, несмотря на то, что инвестиции в образование играют важную роль, которая может и не осознаваться правящей элитой, мы видим, что в ряде случаев, как, например, у нас в стране, они не превышают определенный предел, а находятся на относительно небольшом, часто заведомо недостаточном уровне. С чем это связано? Это просто неадекватность? На наш взгляд, важную роль здесь играет состояние экономики.

При анализе «естественного уровня образования» на первый план выходит оптимальное соотношение между переменными U и SNL . Безработные ($unemployed - U$) — это часть населения, не имеющая работу, но активно ее ищущая. К категории «non-labour force» (NL) относят людей, не занятых в общественном производстве и не стремящихся получить работу. Применительно к исследуемой проблематике мы предлагаем использовать условное понятие «потенциальные безработные, временно занятые системой образования» (или *stabilized by education non-labour force, SNL*). Они образуются преимущественно из состава безработных или потенциальных безработных (U).

Речь идет о том, что часть населения, не видящая возможности адекватно реализовать себя в экономике в настоящий момент, вынуждена получать высшее, дополнительное или второе образование, переучиваться или продолжать свое обучение (например, в вузе или аспирантуре), хотя изначально это не планировалось. Сюда же можно отнести диктуемую рынком труда потребность в получении высшего образования, хотя для дальнейшей профессиональной деятельности эти знания и навыки могут и не требоваться.

Наше предположение заключается в том, что государство (и в целом элита), опасаясь социально-политических последствий высокого уровня безработицы, может оплачивать переход части U в категорию SNL и всячески создавать условия для этого процесса, что позволяет снизить напряженность в обществе и временно разгрузить рынок труда. Цель этого маневра — побудить или вынудить людей отложить свой полноценный выход на рынок труда, для того, чтобы в течение определенного времени они могли получать дополнительное образование.

Это возможно осуществить за счет увеличения инвестиций в систему образования, направленных на количественный рост учащихся или создания дополнительных рабочих мест в государственном секторе. Как будет показано в дальнейшем, в «реформенный» период в нашей стране были максимально задействованы оба эти канала (5). Финансовое участие государства увеличивается, если система третичного образования в стране является преимущественно государственной. Но даже если это не так, государство все равно участвует в этом процессе, например, понижая ставки по образовательным кредитам, ограничивая плату за обучение, выдавая стипендии или оказывая помощь частным организациям. Если в первой половине XX в., например, во времена «Нового курса» Ф. Рузвельта, ту же стабилизирующую роль могли играть общественные работы — то в современном мире эта функция перешла к системе образования, в развитых и большинстве развивающихся стран физическим трудом «за еду и ночлег» трудно привлечь молодежь.

Проблема в том, что циклическая безработица сама по себе оказывает негативное воздействие на экономический рост (т.н. «закон Оукена»). Но к издержкам безработицы следует отнести и те потери, которое несет общество в связи с расходами на образование, профессиональную подготовку и обеспечение определенного уровня квалификации людям, которые в результате оказываются не в состоянии их применить, и, следовательно, окупить (в России, по нашим оценкам, это касается не менее $\frac{1}{3}$ выпускников).

Т.е. увеличение SNL (обусловленное скорее социальными и политическими, а не экономическими потребностями) оттягивает на себя некоторую часть ресурсов, которые могли бы стать инвестициями в рост экономики, и может привести к увеличению количества невостребованных специалистов.

В зависимости от экономической конъюнктуры в стране и от изменения уровня циклической безработицы происходит коррекция соотношения между U и SNL. При экономическом росте происходит облегчение финансового бремени вложений в подготовку SNL, а система образования меньше работает «вхолостую», при экономическом спаде имеет место обратная тенденция. Очевидно, что требуется не только экономический рост, но и развитие, способствующее диверсификации рынка труда. Чисто ценовой рост ВВП не является гарантом экономического развития, во всяком случае в долгосрочной перспективе.

Таким образом, мы наблюдаем эффект маятника (см. рис. 2). В то же время бывают ситуации, когда и в условиях экономического роста требуется большое количество SNL (например, после демобилизации). К тому же государство может «взваливать» на систему образования самые разнообразные неэкономические зада-

чи обеспечения стабильности: патриотическое воспитание, аккультурация и адаптация мигрантов, пацификация радикальной молодежи, идеологическая обработка и т.д.

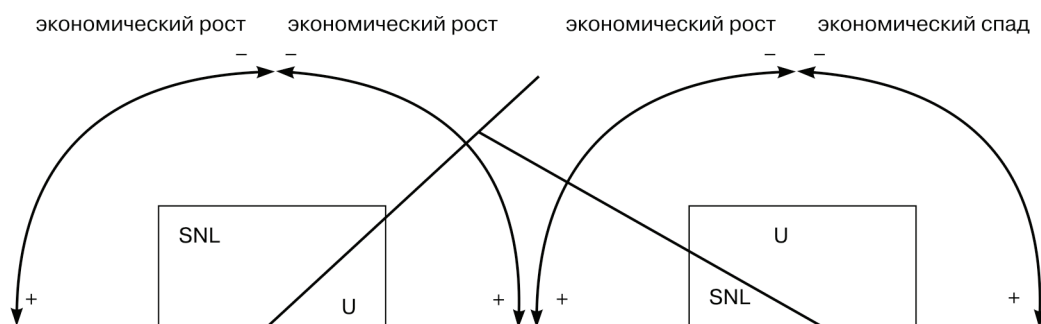


Рис. 2. Влияние экономической конъюнктуры на рост SNL
 (-, + — степень интенсивности роста/спада). В условиях устойчивого экономического роста циклическая безработица сокращается, как и потребность в SNL, а при экономическом спаде — наоборот

Для удобства мы предлагаем разделить инвестиции в сферу третичного образования на четыре группы: инвестиции в производство нужных заказчику специалистов (И1), инвестиции в инфраструктуру образования (их еще можно назвать «инвестициями в институциональное обслуживание») (И2), коммерческие инвестиции (И3) и инвестиции, направленные на обеспечение социально-политической стабильности, посредством увеличения численности SNL (И4). Последний тип инвестиций может осуществляться с разной степенью осознанности и под разными названиями — речь может идти о сохранении или повышении образовательных стандартов, заботе о молодежи, инвестициях в человеческий капитал и т.д. Этот тип инвестиций, как правило, осуществляет преимущественно государство, бизнес в нем не очень сильно заинтересован. По понятным причинам в данной статье мы рассматриваем именно И4.

Таким образом, SNL тем больше, чем больше $\frac{И4}{ВВП}$.

Процентный вес каждой группы вряд ли возможно точно вычислить, однако можно попробовать определить индикаторы, указывающие на тенденции к увеличению И4.

Разумным шагом представляется в данной связи разделение государственных инвестиций в сферу образования еще и на *качественные* и *количественные*, т.е. направленные преимущественно на рост качества обучения или увеличение общего количества учащихся. Если баланс между ними нарушается и количественные инвестиции явно преобладают, это приводит к росту числа SNL и увеличению доли компонента И4.

На наш взгляд, такие изменения часто могут быть политически мотивированными и являются индикаторами роста напряженности в обществе (реального или потенциального).

Как правило, признаками доминирования количественных инвестиций в систему образования, направленных на сохранение стабильности, являются: 1) резкое увеличение числа студентов; 2) увеличение времени подготовки специалистов; 3) расширение охвата разных форм образования (заочное, вечернее и т.д.); 4) сокращение/низкий уровень государственных расходов на подготовку в пересчете на одного учащегося (6); 5) значительный рост числа преподавателей при заработной плате ниже средней по экономике; 6) увеличение числа выпускников, работающих не по специальности (особенно обладателей третичного образования, которые трудятся по неквалифицированным профессиям); 7) снижение полезной отдачи от инвестиций в процессы развития и роста; 8) низкий уровень расходов на образование в расчете на одного учащегося по отношению к ВВП на душу населения; 9) снижение альтернативных издержек на получение третичного образования; 10) девальвация высшего образования, а также 11) высокая мотивация людей на получение третичного образования даже безотносительно к его качеству (об этом — позже).

Действительно, предельно огрубляя, можно предположить, что перспектива, допустим, урезать вдвое затраты на одного учащегося, но при этом принять в вузы в два раза больше молодых людей и разгрузить рынок труда может оказаться очень привлекательной для политического руководства. Или в том случае, если правящая элита контролирует львиную долю экспортных поступлений, гипотетически ее может заинтересовать возможность обеспечить временную занятость большого количества невостребованной экономикой молодежи и при этом тратить на каждого, как на учащегося, 30% душевого ВВП, вместо того чтобы обеспечивать его рабочим местом или пособиями объемом, допустим, в 60%. Конечно, подобные меры отдают авантюризмом и обеспечивают темпоральный эффект.

Предложенная модель показывает, что уровень эффективности инвестиций в систему образования, целью которых является не модернизация, рост производства и развитие человеческих ресурсов, а рост SNL и обеспечение политической стабильности, подчиняется экономическому закону убывающей отдачи. Избыточный рост И4 приводит к увеличению затрат и появлению в будущем большого количества образованных специалистов, не востребованных рынком труда, и в целом к девальвации третичного (особенно высшего) образования.

Сам по себе рост числа SNL не обязательно является большой проблемой, на наш взгляд, он может оказывать негативное воздействие на политическую стабильность в сочетании с другими факторами в трех основных случаях:

- когда последовательно приводит к снижению качества образования,
- когда накладывается на негативную экономическую конъюнктуру,
- при растущем уровне «демографического давления».

Таким образом, проблема переизбытка SNL сейчас приобретает большую актуальность в условиях мирового экономического кризиса/замедления роста при высоком уровне демографического давления в ряде регионов и стран. Неслучайно, что многие страны арабского мира столкнулись с политическими потрясениями в начале этого года.

В то же время следует отметить, что и экономический рост не всегда является панацеей и может сам по себе приводить к нестабильности — эффект, отмеченный М. Олсоном, С. Хантингтоном и другими исследователями. Экономический рост в модернизирующихся и переходных обществах может приводить к резкой поляризации, «разрушению системы привычных социальных статусов и идентичностей» [19. Р. 532], эскалации шумпетеровского «созидательного разрушения» (во многих случаях второго может быть гораздо больше, чем первого), неоправданному росту притязаний населения (к примеру, т.н. «революция ожиданий») и появлению массовых фрустраторов. С. Хантингтон акцентирует внимание на «социальной мобилизации», которая сопутствует экономической модернизации и утомляет людей (См.: [14]). Однако данные процессы и факторы по понятным причинам не находятся в центре внимания настоящей статьи.

Негативную ситуацию в условиях экономических трудностей дополнительно усугубляет форсированная переориентация системы образования преимущественно на узкую номенклатуру специальностей, считающихся наиболее востребованными, что в дальнейшем негативно сказывается как на самой образовательной системе и уровне качества ее услуг, так и на ситуации с рынком труда, т.е. может иметь место достаточно одностороннее перепроизводство определенных специалистов на фоне растущего разрыва между экономическими перспективами разных видов образования. В своей крайней форме этот процесс ведет к формированию значительных «образовательных пузырей», что может дополнительно увеличить фрикционную безработицу и оказать негативное воздействие на экономику и настроения молодежи.

Таким образом, можно сказать, что, увеличивая И4 в трудных экономических условиях, не имея эффективной программы или возможности стабильного экономического роста и развития рынка труда, правящий режим увеличивает уровень политической стабильности в кратко- и среднесрочной перспективе, но за счет обострения противоречий, экономических и социальных дисбалансов в будущем.

Естественный уровень образования и формирование человеческого капитала

Интересной представляется экстраполяция на рассматриваемый феномен понятий теории человеческого капитала.

Долгое время с точки зрения классической экономической теории человеческий капитал (ЧК) считался только социальным фактором развития, т.е. затратным фактором. Подразумевалось, что инвестиции в воспитание и образование являются непроизводительными, затратными. Во второй половине XX столетия (век ЧК) отношение к человеческому капиталу и образованию постепенно кардинально изменилось.

Сейчас, особенно в развитых странах, он рассматривается как основной двигатель современной экономики. Огромная роль человеческого капитала в процессах экономического развития и роста не вызывает сомнений. Операциональным представляется следующее распространенное определение ЧК: «Человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. ЧК включает

врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [13. С. 304].

Коэффициент трансформации инвестиций в человеческий капитал может принимать положительные, нулевые и отрицательные значения. Как уже отмечалось, неэффективно функционирующая система образования, неправильно осуществленные инвестиции в эту сферу могут вести к формированию отрицательного человеческого капитала (ОЧК).

Отрицательный человеческий капитал можно определить как ЧК, не обеспечивающий какой-либо полезной отдачи от инвестиций в процессы развития и роста. Выпускники могут являться носителями знаний, навыков и профессиональной этики, которые не соответствуют современным требованиям.

То есть естественный уровень образования можно определить и как оптимальный тип инвестиций в человеческий капитал посредством системы образования, ограничивающий формирование отрицательного и стимулирующий рост положительного ЧК.

Высокий уровень циклической безработицы не только приводит к недоиспользованию человеческого капитала, но и сам по себе негативно влияет на его качество, способствуя в том числе и росту ОЧК. Во многом это происходит из-за появления т.н. «отчаявшихся работников», безработица сопряжена с вынужденным профессиональным простоем, деградацией и другими социальными недугами.

Однако наш тезис заключается в том, что существенную роль в формировании ОЧК может играть и система образования, используемая для массовой подготовки SNL в целях обеспечения политической стабильности. Ведь люди могут получать невостребованную специальность или образование низкого качества, что может создать проблемы для их будущего адекватного (т.е. не сопровождающегося избыточной фрустрацией) трудоустройства. Назовем этот феномен эффектом «отложенной фрустрации» (также его можно назвать и «отложенной безработицей», или «потенциальной нестабильностью»). Система образования формирует ОЧК за счет:

— непропорционального перепроизводства специалистов по определенным специальностям, сопряженного с разбалансировкой, в том числе и искусственным разведением спроса и предложения на рынке труда и набуханием «образовательных пузырей» (*количественный фактор*);

— «псевдообразования», т.е. низкого качества образования, а также обучения устаревшим знаниям или «псевдознаниям» (*качественный фактор*).

Если о первом процессе в настоящей статье уже было написано немало, то понятие «псевдообразование» нуждается в определенных пояснениях. Некачественное высшее образование в том случае, когда количественные инвестиции слишком сильно доминируют, превращается в «псевдофактор развития» [10. С. 36] и работает на формирование и накопление отрицательного человеческого капитала. Снижение затрат неизбежно снижает качество. Вторая проблема: псевдо- и устаревшие знания, которые дает система образования вследствие целого ряда экономических, политических и идеологических факторов. Что еще более печально,

даже если учебные заведения в период экономических трудностей дают качественные знания, они в значительной степени превращаются в псевдознания, так как учащиеся не могут их воспринять, поскольку полагают, что это знания, которые потом им пригодятся практически никак не могут.

Отечественный экономист Ю.А. Корчагин предлагает жестко разграничивать понятия «псевдообразование» и «конкурентоспособное образование» на уровне мировых стандартов и соответственно разделить инвестиции в образование следующим способом:

$$I_{\Sigma\text{обр}} = I_{\text{Пс.обр}} + I_{\text{Обр}},$$

где $I_{\Sigma\text{обр}}$ — суммарные инвестиции в образование; $I_{\text{Пс.обр}}$ — инвестиции в псевдообразование; $I_{\text{Обр}}$ — инвестиции в конкурентоспособное образование.

Если $I_{\text{Пс.обр}} \gg I_{\text{Обр}}$, то отдача от инвестиций в ЧК будет минимальной; и наоборот, если $I_{\text{Пс.обр}} \ll I_{\text{Обр}}$, то отдача от инвестиций в ЧК будет максимальной [10. С. 36].

Таким образом, инвестиции в сферу образования можно дополнительно классифицировать как *эффективные инвестиции* — это инвестиции в конкурентоспособное образование и знания и *псевдоинвестиции* — т.е. инвестиции в псевдообразование и псевдознания.

Накопленный отрицательный человеческий капитал может проявлять себя (и политически и экономически) наиболее активно в периоды бифуркаций — т.е. в условиях сильно неравновесных состояний: при резком переходе страны в другую экономическую и политическую систему, на более высокий технологический уровень и пр.

Для настоящего исследования представляет интерес еще одно положение из теории человеческого капитала — «минцеровские» нормы отдачи высшего образования. Нормы отдачи принято считать интегральным индикатором эффективности вложений в человеческий капитал. Они показывают, на сколько процентов возрастают заработки работников при увеличении продолжительности обучения на один год. Впервые такой подход был применен польско-американским экономистом Дж. Минцером (См.: [18]) в 1970-е гг. Речь идет о частных выгодах непосредственно самого работника, стимулирующих его к получению образования.

Использование методологии расчета нормы отдачи третичного образования и соответствующих эмпирических данных может привести к, казалось бы, противоречащим нашей исходной гипотезе и контринтуитивным выводам: иногда, в случае серьезных отклонений от «естественного уровня образования», в условиях невысокого роста спроса на рынке рабочей силы и в то же время опережающего роста предложения образованных специалистов норма отдачи от образования может не сокращаться, а, наоборот, демонстрировать устойчивый и длительный рост.

Конечно, правилом является ситуация, когда в условиях экономического развития количество учащихся растет, потому что норма отдачи образования увеличивается и больше возможностей занять лучшее рабочее место, а в условиях кри-

зиса имеет место обратная тенденция. При массовом перепроизводстве людей с дипломами вузов они получают низкие зарплаты и испытывают большие трудности с поиском работы по специальности (отличный пример — Грузия, где свыше 90% молодежи получают третичное образование, но оно слабо сказывается на будущих доходах и, следовательно, почти не окупается — отдача на год образования составляет $\approx 3\%$).

Но из этого правила есть исключения: бывает, что, если даже продолжать «штамповать» людей с высшим образованием в течение десяти и более лет, они, вопреки ожиданиям, продолжают получать относительно высокую по меркам экономики своей страны заработную плату. Ярчайшим примером такого исключения является современная Россия, где норма отдачи от высшего образования больше десяти лет колеблется по разным оценкам от 8 до 10—11% (См.: [7]). Кроме того, наличие образования (даже по не слишком востребованной специальности) может существенно повышать и шансы при поиске работы, не связанной с полученными компетенциями.

Для того чтобы объяснить этот эффект, необходимо рассмотреть еще один феномен — назовем его «образовательной пирамидой». Процесс построения такой пирамиды хорошо заметен и заключается в том, что люди с третичным образованием постепенно перемещаются на менее квалифицированные рабочие места, вытесняя оттуда людей с менее высоким образовательным уровнем на еще менее квалифицированные рабочие места или просто на улицу. Особенно это затрагивает сферу услуг.

В результате данного процесса, даже если реальные заработки образованных специалистов, занимающих «чужие» места, фактически не требующие высшего образования, сократятся, норма отдачи может не измениться, потому что у работников с высшим образованием заработки упадут на такой же процент, на который они упадут, к примеру, у людей со средним образованием.

Как видно, описанная ситуация разительно отличается от классических теорий технократии, предполагавших вытеснение «синих воротничков» «белыми» в результате развития и усложнения экономики (См.: [4; 3]).

В такой ситуации растущую угрозу для стабильности политического режима представляют уже люди не с третичным, а с первичным и вторичным уровнями образования, чьи конкурентные позиции ослабевают. Ведь такая стабилизация осуществляется за их счет. Вытесняемые со своих, вполне обоснованных, позиций, они теряют в покупательной способности, статусе, перспективах трудоустройства. Некоторые из них, к сожалению, пополняют ряды т.н. «отчаявшихся работников».

В том случае, если работодатели, пользуясь ростом предложения, перепроизводством образованной рабочей силы, поднимают планку образовательных требований к соискателям и персоналу, это является дополнительным мотиватором, создает отсутствовавшую прежде целесообразность получения хоть какого-то третичного образования «для галочки» и дополнительно загружает систему образования. Само государство может проводить такую же политику в бюджетной сфере и госучреждениях.

Естественно, описанный процесс ведет к девальвации высшего образования. Ключевую роль начинает играть сам диплом, в том числе и как особый вид статусного, символического капитала (См.: [2]). Это может усилить дрейф системы образования в сторону коммерческого института, предлагающего в первую очередь символический капитал. Если «вскрыть» такую «образовательную пирамиду», скорее всего можно будет увидеть внутри нее несколько «образовательный пузырей» разной степени надутости.

Итак, мы видим, что «образовательная пирамида» — это своего рода игра с «нулевой суммой», порождающая бесконечный порочный круг, заканчивающийся, вероятно, политическими потрясениями. На наш взгляд, существовать такая ситуация может достаточно долго, но, как и любую пирамиду, рано или поздно ее ожидает крах. В условиях отсутствия эффективных реформ, при низких темпах экономического развития (а в современный экономический кризис мало кто может похвастаться высокими) по мере устойчивого роста выпускников учебных заведений норма отдачи и, соответственно, окупаемость образования неизбежно будут падать. Остается только догадываться, к какому тупику могут привести эти процессы. На наш взгляд, феномен «образовательной пирамиды» можно наглядно показать с помощью следующей схемы (см. рис. 3).

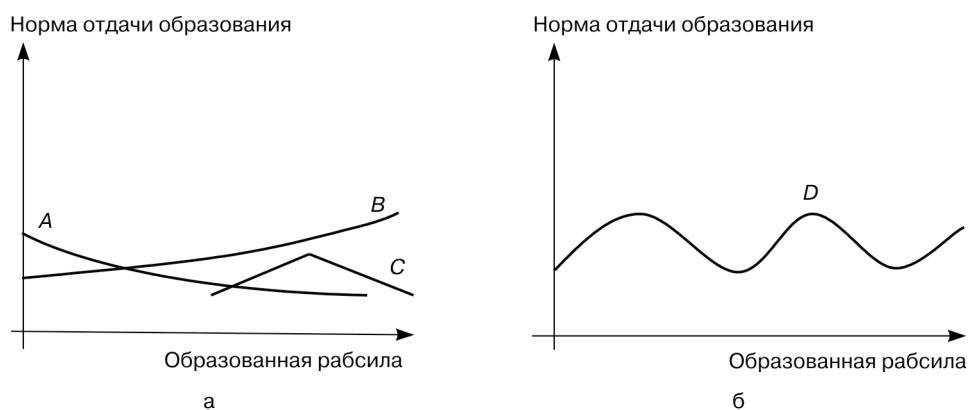


Рис. 3. Динамика изменения нормы отдачи образования и эффект «образовательной пирамиды»:

А — ситуация экономической стагнации, В — ситуация экономического развития, С — «образовательная пирамида». Образованная рабсила будет постоянно смещаться вправо, т.е. в длительной перспективе норма отдачи имеет тенденцию сокращаться. D — «свиной цикл» (7) дает самое точное представление о динамике колебаний нормы отдачи в зависимости от экономической ситуации, при этом амплитуда колебаний постепенно спускается вниз

Также работники с третичным образованием очень существенно улучшают свои позиции по отношению к менее образованным в том, что касается уровня занятости, защищенности от рисков безработицы (схематически этот процесс будет выглядеть так же, как рис. 3, достаточно вместо «нормы отдачи» поставить «трудоустройство»). Это глобальная и закономерная тенденция, но в случае «образовательной пирамиды» она явно гипертрофирована.

Да, люди с «избыточным» образованием могут массово захватывать изначально не предназначенные для них рабочие места. Но возможности этого «уплотнения» хоть и велики, но все-таки ограничены и чреватые социальными потрясениями.

Обычно рост востребованности образованных специалистов обусловлен ориентацией экономики на производство высокотехнологичной продукции и услуг, требующих высокой квалификации, где труд работников с высшим образованием обладает более высокой производительностью. В случае же «образовательной пирамиды» экономические условия и текущие задачи, как правило, совсем иные. Проблема встает особенно остро, если качество полученного образования не позволяет работникам с дипломами поднять производительность труда. Простая деловая логика не позволит многим предприятиям абсолютизировать явно избыточный фактор производства.

Таким образом, снимающая напряженность «образовательная пирамида» в дальнейшем может и создавать ее.

Во-первых, антагонизируя общество частичным вытеснением на обочину наименее образованной рабочей силы (неоправданным с точки зрения производительности труда и экономической отдачи). По-видимому, в этом есть определенный политический смысл, так как наименее образованная часть общества имеет наименьший политический вес и представляет наименьшую угрозу правящему режиму. Различный уровень образования может отдалять друг от друга разные группы молодежи, препятствуя выработке и артикуляции общих интересов, однако в современном массовом обществе с доступной системой образования стабилизационные возможности подобной «стратегии разведения» ограничены.

Во-вторых, вследствие своей неизбежной (и, возможно, шоковой) коррекции, обусловленной постоянным ростом предложения образованных работников.

Создание «образовательной пирамиды» может быть следствием как свободной игры рыночных сил, так и недальновидной политики политического руководства. По всей видимости, преувеличением было бы считать ее результатом «сговора» работодателей с системой образования.

На наш взгляд, чисто экономическое понимание такой «пирамиды», или «ловушки», не окажется плодотворным, особенно в том, что касается поиска выхода из нее. Мы полагаем, что она должна иметь и политическую целесообразность, заключающуюся в стремлении политического режима избежать волнений, оттянуть негативные последствия своей политики.

Резюмируя, попробуем ответить на вопрос: почему же в одних странах создаются «образовательные пирамиды», а в других — нет? Какие факторы этому способствуют? На наш взгляд, при первом приближении, в качестве основных факторов можно выделить следующие:

— ресурсная или основанная на ренте экономика, позволяющая за счет сверхдоходов сглаживать рыночные противоречия;

— наличие и набухание «образовательных пузырей»;

— умеренный уровень демографического давления на систему образования;

— социокультурный фактор — статус высшего образования в обществе очень велик;

— удачное сочетание невысоких альтернативных издержек получения образования и выгод неденежного характера. Последние могут быть очень разнообразными. Например, мы полагаем, что чем более равным является соотношение

количества студентов разного пола, тем выше неденежные выгоды образования для молодых мужчин, и даже, подспудно, ниже уровень их потенциальной протестной активности. На примере рассмотренных в статье кейсов можно сделать вывод о том, что сочетание альтернативных издержек и неденежных выгод получения высшего образования является очень благоприятным в современной России и не слишком привлекательным в предреволюционных Египте и Тунисе, так как в этих странах примерно половина студентов не завершали образования;

— и, наконец, по всей видимости, наличие завуалированной и, возможно, смутно осознаваемой политики, направленной на замораживание нежелательных для политической элиты социальных и политических процессов.

Последний вопрос из теории человеческого капитала, который мы рассмотрим — это проблема недоиспользования ЧК. В первую очередь это касается недоиспользования образования. Собственно говоря — это определяющая проблема разбалансировки «естественного уровня образования». При высоком уровне недоиспользования человеческого капитала достижение этого «естественного уровня» представляется невозможным. Решить серьезные проблемы всей экономики в одиночку система образования, конечно же, не в состоянии, ее коррекционные и стимулирующие возможности ограничены. Мы полагаем, что массовая подготовка SNL неизбежно приводит к недоиспользованию человеческого капитала.

Определение уровня недоиспользования ЧК не является сложной задачей ввиду доступности необходимых статистических данных. К примеру, имеющиеся данные Росстата «Обследование населения по проблемам занятости населения» позволяют сделать вывод о том, что уровень недоиспользования ЧК в российской экономике, к сожалению, является значительным. По подсчетам Р.И. Капелюшниковой, к работникам, чей образовательный потенциал недоиспользуется, можно отнести около 15% работников сферы обслуживания, 20% сельскохозяйственных работников и 40% неквалифицированных рабочих, что «свидетельствует либо о низком качестве имеющегося у них образования, либо о нерациональном его использовании, когда, имея высокую формальную подготовку, они оказываются вынуждены заниматься неквалифицированными видами труда» (См.: [8]).

На наш взгляд, проблема недоиспользования ЧК может быть тесно связана как с проблемой накопления ОЧК, так и с формированием «образовательной пирамиды».

«Утечка мозгов» как фактор политической стабильности

Одним из «клапанов» снятия негативных последствий описанных процессов может являться внешняя миграция части образованных специалистов, невостребованных в своей стране. Этот процесс, назовем его «канализацией избыточного человеческого капитала», позволяет многим странам восстанавливать баланс спроса и предложения трудовых ресурсов, ослабить социальное напряжение. При этом нередко уезжают самые активные и амбициозные люди, чья энергия и таланты в случае невозможности полноценной профессиональной реализации в своей стране могут быть обращены на политическую и социальную сферы (протестные движения, поддержка оппозиции, диссидентство и т.д.). Поэтому, на наш взгляд, поли-

тическое руководство целого ряда развивающихся стран, несмотря на регулярно высказываемое недовольство по поводу «утечки умов», воспринимает его как неизбежное «маленькое зло» и даже по-своему позитивный процесс и фактически не предпринимает достаточных мер противодействия.

В то же время этот ресурс может быть в полной мере задействован лишь в том случае, если качество образования соответствует мировым стандартам или хотя бы приближается к ним. Это специалисты с относительной низкой конкурентоспособностью и востребованностью. Это означает, что некоторые страны, которые накопили отрицательный человеческий капитал или обладают ЧК низкого уровня и качества, не могут его успешно экстернализовать. Таким образом, снижение качества образования в пользу количественных факторов может в дальнейшем сыграть плохую службу, перекрыв канал снятия напряженности.

Перекрыв возможность выезда образованных мигрантов изнутри или извне, можно существенно подорвать внутривнутриполитическую стабильность в отдельной стране. Это же провоцируется и за счет формирования ОЧК самой системой образования (когда не преподаются нужные иностранные языки на приемлемом уровне качества, предлагаются устаревшие или локально ограниченные знания и т.д.).

Транснационализация образования, академическая мобильность являются ярко выраженным положительным фактором, так как позволяют повысить качество образования, выработать ценные навыки и, соответственно, поднять уровень человеческого капитала. В то же время страны, готовящие свою элиту в зарубежных учебных заведениях, могут в дальнейшем столкнуться с более традиционными внешнеполитическими вызовами и проблемами экстернализации и транснационализации элиты.

Итак, «утечку умов» можно рассматривать в качестве фактора стабильности общественно-экономической системы, однако не следует забывать, что этот эффект темпорален, в долгосрочной перспективе она, несомненно, подрывает предпосылки возможного экономического развития.

Влияние естественного уровня образования на структурную безработицу

Есть еще один важный момент, который необходимо прояснить, чтобы не попасть в ловушку, грозящую разрушить все вышеописанные построения. Дело в том, что помимо *циклической* безработицы важную роль в исследуемых процессах может играть и *структурная* безработица.

Структурная безработица обусловлена изменениями в структуре спроса на труд, когда образуется структурное несовпадение между квалификацией безработных и требованием свободных рабочих мест. Она обуславливается масштабной перестройкой экономики, изменениями в структуре спроса на потребительские товары и в технологии производства, ликвидацией устаревших отраслей и профессий. Причем существуют 2 типа структурной безработицы: стимулирующая и деструктивная.

Колебания структурной безработицы подчинены более длительным экономическим и технологическим циклам. Структурная безработица не лечится про-

стым увеличением рабочих мест, она требует уровня ЧК, адекватного изменившимся требованиям экономики. В периоды трансформаций рынок обесценивает многие виды образования (даже вполне качественного), создавая потребность в реаллокации человеческого капитала. Система образования позволяет справляться со структурной безработицей, занимаясь и подготовкой востребованных специалистов, и переподготовкой невостребованных. Перерабатывая значительный процент рабочей силы, она превращает деструктивную безработицу в стимулирующую.

Наиболее сложная ситуация возникает, когда циклическая безработица, обусловленная экономическим спадом, накладывается на структурную, вызванную серьезными качественными трансформациями экономики и социума. Здесь роль системы образования, в том числе и в сохранении политической стабильности, дополнительно возрастает.

Поэтому если речь идет о роли образовательной политики, важно рассматривать эффекты и циклической и структурной безработицы как комплементарные. С позиции такого подхода предлагаемая гипотеза состоит в том, что рассмотренные выше количественные и качественные факторы, способствующие формированию ОЧК, искусственно приводят также к появлению эффекта, напоминающего структурную безработицу. Т.е. люди, уже получившие образование, попав на рынок труда, стоят перед необходимостью дальнейших инвестиций в получение образования: переобучения или продолжения образования. Общество их подготовило к работе, а потом, уже в самом начале их трудовой деятельности, вынуждено переподготавливать. Большую роль в этом процессе играют такие факторы как:

- «образовательные пузыри»;
- низкое качество образования;
- затянувшаяся циклическая безработица.

Таким образом, сама по себе циклическая безработица, если для борьбы с ее последствиями включается механизм штамповки SNL, может постепенно трансформироваться в структурную.

Накопившийся ОЧК требует дополнительных инвестиций в человеческий капитал для изменения сущности знаний и опыта, причем в ряде случаев они могут превышать стоимость подготовки специалиста с нуля или приглашения работника со стороны (см. рис. 4). Но главное здесь даже не это, а потеря ценного времени, так как ЧК является инерционным производительным фактором, инвестиции в который приносят отдачу только через некоторое время. В итоге полученные теоретические знания и практические навыки работников расходятся все в большей степени, образуя эффект ножниц. Желание «занять» молодежь в течение длительного времени, чреватое штамповкой SNL без особой заботы о качестве образования, может обернуться колоссальными потерями времени, чреватых значительным, труднопреодолимым отставанием.

Эта растяженность во времени имеет и политические импликации, являясь мощным массовым фрустратором (8): люди с высшим образованием и так пришли на рынок труда позже других, они понесли издержки, связанные с его получением, и вот теперь снова вынуждены простаивать, не имея возможности окупить свои инвестиции.

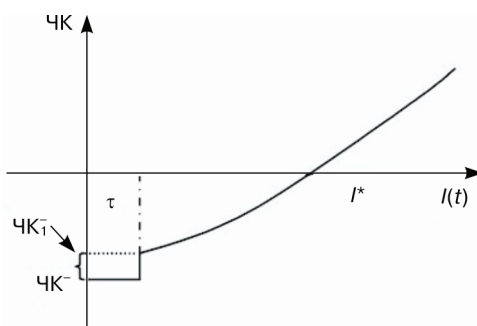


Рис. 4. Зависимость человеческого капитала субъекта с начальным отрицательным человеческим капиталом $ЧК_1$ от инвестиций с учетом временного запаздывания отдачи от вложений [10. С. 38]

Принцип министра просвещения графа Д.А. Толстого «Еще шесть лет латыни — и вы увидите, как утомонится ваша молодежь» звучит сейчас как полнейшее безумие и является контрпродуктивным, но, как ни странно, у него много сторонников и в наше время. Вспомним, к примеру, недавние инициативы «Единой России».

Заключение

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть тесную взаимосвязь экономических и образовательных процессов с политикой.

Если еще в первой половине XX в. правящие элиты могли видеть в широком распространении высшего образования фактор нестабильности, а то и прямую угрозу своей власти и продолжали политику ограничения доступа к образованию для неэлитных слоев, то со второй половины XX в., на волне научно-технической революции и демографического взрыва, широкое распространение образования, напротив, становится важным условием стабильности режима, желающего остаться у власти.

С 1990-х гг. во многих странах и регионах мира начинается бум третичного, особенно высшего образования, стремительно увеличивается число студентов, форсированно осуществляется транснационализация образовательного процесса, растет аутсорсинг и трудовая миграция образованных специалистов.

Мы полагаем, что в целом ряде стран количество SNL имеет тенденцию к увеличению, тем не менее сократить его сложно, особенно в период экономических трудностей. Политический режим отчасти является заложником своей образовательной политики, так как рост платы за обучение или сокращение мест в вузах может привести (и в современном мире с большой вероятностью приводит) к массовым акциям протеста молодежи.

Резкое снижение качества и доступности образования — крайне непопулярная мера, так как для современной молодежи ценность образования велика как никогда.

Неспособность реализовать себя при наличии высокого уровня образования является в наше время мощнейшим и довольно массовым социальным фрустратором, мотивирующим социальные беспорядки.

Когда человек учится в вузе, он имеет занятие и, как правило, ожидает улучшений в будущем, что примеряет его с реальностью. Он хочет благополучно закончить обучение, получить диплом, ведь инвестиции в ЧК, подобно любым другим, предполагают, что человек жертвует чем-то сегодня ради получения чего-то большего в будущем. Но когда одна занятость заканчивается, а другая все не наступает или она является совсем не такой, как ожидалось, — это нередко приводит к фрустрации.

Можно возразить, что важную роль в политической дестабилизации «снизу», в том числе и в странах постсоветского пространства, нередко играют именно студенческие организации и движения.

На первый взгляд, этот факт может быть истолкован как противоречащий исходной гипотезе статьи. Однако следует отметить, что очень часто такие организации напрямую дирижируются и финансируются, в том числе и из-за рубежа. Кроме того, на наш взгляд, значительное влияние на политическую и протестную активность студенчества оказывает тот же эффект — отсутствие уверенности в своем адекватном трудоустройстве и профессиональном будущем.

Мы полагаем, что ограничение качества образования в целях политической стабильности — то, чем исторически занималась элита многих стран, является контрпродуктивной стратегией в современных условиях. На наш взгляд, низкое качество образования, внедряемые псевдознания уже не способствуют политической стабильности, как считалось раньше. Они ведут к накоплению ОЧК, росту социальных проблем в будущем.

Учитывая современные мировые тенденции, можно предположить, что со временем роль «естественного уровня образования» будет только возрастать. Развитие образования в большинстве случаев приводит к увеличению уровня рационализации политики, экономические проблемы — к росту протестных настроений. Что же получится на пересечении этих двух векторов? Вполне возможно появление и широкое распространение среди молодого и высокообразованного пролетариата новых глобальных движений и даже идеологий или адаптация уже существующих к их требованиям и запросам. Может быть, новый идеологический фактор в мировой политике даже потеснит цивилизационный и приведет массы молодых людей к новому поиску идентичности.

И последний момент — в глаза бросается связь образовательной политики, направленной на опережающий выпуск дипломированных специалистов с кейнсианской парадигмой. Такая образовательная политика оправдывала себя в период бурного экономического роста и развития, но вступила в кризис вместе с кейнсианством в период рецессии мировой экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Третичное образование понимается согласно Международной стандартной классификации образования, принятой ЮНЕСКО в 1997 г. (МСКО-97) — (МСКО-5А, МСКО-5В и МСКО-6).
- (2) Например, Дж. Голдстоун отмечает: «Рост удельного веса молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие

- вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории» (См.: [9]).
- (3) На вопрос, какие возрастные группы можно отнести к молодежи, в разных обществах можно дать разные ответы. Если в большинстве развивающихся стран Азии и Африки возрастным потолком обычно считается 24 года, то в Европе, включая Россию, молодежный возраст растягивается социологами до 28 и даже 30 лет.
 - (4) К сожалению, в период кризиса термин «оптимизация» приобретает много негативных коннотаций.
 - (5) Действительно, в 1990—2000 гг. важной особенностью, отличавшей РФ от большинства переходных стран, был сравнительно невысокий уровень безработицы, компенсировавшийся очень низким уровнем МРОТ и, соответственно, зарплат, значительного процента населения, особенно в бюджетном секторе. Как отмечает Л. Овчарова, «специфика российской бедности состоит в том, что половина наших бедных работает» [1. С. 89].
 - (6) Что, с точки зрения затратного метода расчета стоимости ЧК, несомненно, является симптомом сокращения инвестиций в формирование положительного человеческого капитала и сказывается на его качестве.
 - (7) Такое «неблагозвучное» название объясняется тем, что сходные процессы первоначально изучались на примере рынка свиней.
 - (8) Эффект массового социального фрустратора хорошо освещен в работе М.Ю. Урнова «Эмоции в политическом поведении» (См.: [12]).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архангельская Н.* Кто беден в России // Эксперт. — 2004. — № 16.
- [2] *Бурдые П.* Социология политики. — М., 1992.
- [3] *Дракер П.* Эра социальной трансформации. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/leader/transformation>
- [4] *Замулин О.А., Капустин Б.Г., Константиновский Д.Л., Покровский Н.Е., Почта Ю.М., Радаев В.В.* Американское университетское образование: уроки для России. URL: http://fir.nes.ru/~ozamulin/NTFtrip_report.pdf
- [5] *Иноземцев В.* Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. — 1999. — № 5.
- [6] Интервью с Г. Дерлугьяном / *Быков П., Гурова Т.* Капитализм для всех // Эксперт. — 2011. — № 9.
- [7] *Капелюшников Р.И.* Человеческий капитал России / Публичная лекция // Междисциплинарный лекторий «Контекст». URL: <http://www.contextclub.org/events/y2010/m11/n512010>.
- [8] *Капелюшников Р.И.* Эволюция человеческого капитала в России // Отечественные записки. — 2007. — № 3. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/807>
- [9] *Кортаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>
- [10] *Корчагин Ю.А.* Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? — Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
- [11] Образованное бедное поколение // Взгляд. — 05.10.2005. URL: <http://www.vzglyad.ru/society/2005/10/5/8904.html>
- [12] *Урнов М.Ю.* Эмоции в политическом поведении. — М.: Аспект-Пресс, 2008.
- [13] *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. — МГУ: ИНФРА-М, 2008.
- [14] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

- [15] *Шумпетер Й.* Социология интеллектуалов // Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.
- [16] *Hibbs D.A.Jr.* The Politicization of Growth Theory. — *Kyklos*, Wiley Blackwell, 2001. — Vol. 54 (2—3). URL: <http://douglas-hibbs.com/HibbsArticles/Kyklos%202001.pdf>
- [17] *Kaufman D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance matters VII: Governance indicators for 1996—2007. World Bank Policy Research Working paper 4654. — 2008. URL: <http://ssrn.com/abstract=1148386>
- [18] *Mincer J.* Schooling, Experience and Earnings. — N.Y.: Columbia University Press, 1974.
- [19] *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force // *The Journal of Economic History*. — 1963. — Vol. 23. — № 4.

“NATURAL RATE OF EDUCATION” AS THE FACTOR OF STABILITY OF POLITICAL REGIME

V.G. Ivanov

The Department of Comparative Politics
People’s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The given article contains hypothesis about the increasing level of influence of the system of tertiary education on stability of political regime in many modern countries. In order to reveal the mechanism of such influence the author proposes the concept “natural rate of education” which reflects optimal balance between labor market and educational system from the perspective of avoidance and tackling of social protests and instability. The author supposes that the stabilizing function of the system of tertiary education is caused by its role of the specific regulator of labor market and its capability to involve millions of young males, providing them long-term occupation. Under the state policy this stabilizing function may be enormously exaggerated and even reach the point of extremum and become counterproductive. The article contains interdisciplinary approach, being on junction of political science and economics. The author uses selected methodological foundations of theory of human capital and introduces the following notions: “educational pyramid”, “educational bubble”, “educational scissors” and others.

Key words: political stability, tertiary education, political regime, protest movements.